

астрономия волков

Над влажной землёй по ночам повисает список –
высокая табель о рангах и расписание судеб.

А люди видят лишь посевной календарь о высаживании
редисок,
прочей полезной овощи и всяческой ерунде.

Суровое знание не даётся кому попало,
накрепко запечатанное в жёлтых волчьих глазах.

Осенью шуршащие волки ходят по звёздам палым
и плачут. Но мир не догадывается об их слезах.

Они внимательно смотрят на истекающий месяц,
как из ковша проливаются серые волчьи дожди.

Волки воистину знают, что мир этот слишком тесен,
как тесно жгучему вою, рвущемуся из груди...

че

Пусть себе пулю в лоб... Но нету ни лба, ни пули...
Нет пороха в пороховницах... Синицы в ладонях нет...
В колодцах все журавли... Рыбки в пруду уснули...
Лишь квакает в тишине какой-то шальной поэт.

Луна освещает лес – чащобы и буреломы.
На серебристых ветвях сношаются голоса.
И дома отнюдь не все. Особенно, если дома
осталась одна кукушка, повисшая на часах.

Наш голубой вагон днями сидит в болоте,
пробираясь ночными окопами, пока пассажиры спят.
Им снится какой-то чувак на списанном вертолёте,
который везёт эскимо. А может – тротил и яд.

Война давно отгремела. Повесили всех на ёлку.
Наши, естественно, выиграли. Иначе не может быть.
И только один Чебурашка, лежащий на верхней полке,
ушёл навсегда в партизаны, поклявшись за всех отомстить.

Он слышит ушами чуткими, как где-то петарды хлопают.
Начищая игрушечный маузер, он знает – кругом враги.
Крыску Лариску заперли в виварий, студентам на опыты.
Гену – братское сердце – пустили на сапоги.

Чтобы слегка забыться, он тяпнет чайку с ромашкой.
Пулемётные ленты накрест, полные леденцов.
Влезет на самую главную высокую телебашню.
И все увидят мокрое плюшевое лицо.

Расскажет о том, что каждому в лучшее, всё-таки, верится.
Что к приключениям новым спешит голубой вагон...
А люди заметят только, как дождь леденцовый сеется,
и собирать халяву сбегутся со всех сторон.

Дон Кихот и его команда

Рыцарь Дон Кихот Ламанчский лежит

под мельницей ветряной.

Он совершил все подвиги, он умирает, ему пора домой.

Росинант щиплет тёплыми губами

молодую покрасневшую траву.

Дульсинея знать не знает об этом и готовится к randevu.

Дон Кихот смотрит в небо высокое, в небе текут облака.

Он уже не странствующий рыцарь,

но об этом не знает пока.

Санчо Панса врачует раны и на рынке закупает фураж.

Их обоих знают в конторе и берут на карандаш.

Их личное дело становится толще день ото дня.

Опер приходит домой, у него большая семья –

жена, ребятишки, родители, тёща и пьяный тесть.

От всего этого оперу хочется на стену лезть.

А Дон Кихот умирает героической смертью бойца.

Он не отступил ни разу и во всём пошёл до конца.

Его Росинант становится круглою сиротой.

Лавочник скоро затарится конскою колбасой.

Опер закажет пива, нарежет колбасный круг.

И упадёт головою в слезах на скрещенье рук.

Он будет пить с Санчо Пансой и сморкаться в его осла

обо всех невинно погибших и тщете своего ремесла.

Он будет махать руками и кричать, что они в крови.

Превратясь в ветряную мельницу,

полетит, не касаясь травы.

От семьи, что висит на шее, и вздохнуть ему не даёт,

он отбудет в края далёкие, где ждёт его Дон Кихот.

брошенная лошадь

Горизонт выверен ростомером тополя.
Синие окраины сплющены тоской.
Проплывает песенка за пустыми окнами.
Лошадь неумелая щиплет сухостой.

Лошади без всадника никуда не хочется.
Всё ей, бедной, кажется, что труба зовёт.
Пылью и окалиной пахнет одиночество.
Ускакала конница в яростный поход.

Только лошадь старая, никому не нужная,
иноходец, брошенный на пустой меже,
бредит славным подвигом, бредит доброй дружбою,
а сама проваливается в Родину уже...

На полях потоптанных, на костях обглоданных
вольно только ворону выплывать узор.
Потому что Родина, как и лошадь, продана.
В чёрной канцелярии зреет приговор.

Только лошадь пегая знать о том не ведаёт,
ждёт, когда покажутся сводные полки.
За пустыми хатами, звёздами, кометами,
всадник угостит её сахаром с руки.

Потому стоит она на траве некошенной.
Клином свет безжалостный сходится на ней.
Поднимите головы – брошенные лошади
уплывают в прошлое в поисках людей.

двадцать пятый час

Медленно время тянется. Звёздный обоз качается.
Ночь никак не кончается. Лишь петушиный крик
гонит назад нечистого, на вокзалы и пристани.
На расстояние выстрела. В лунный пустой рудник.

Тихо шаги расходятся по одиноким комнатам.
Круги по воде разводятся. Звёзды ложатся спать.
Мы на круг собираемся, чтобы начать всё заново,
тёмными, окаянными. Умеющими летать.

Солнце за нами катится. С нами судьба расплатится.
Чёрной монетой свалится в белую прорезь дня.
Значит – ещё останемся. Пристани и пристанища.
Долго идти до кладбища. Не забывай меня...

Значит – сошлось всё правильно. Над фонарями и травами.
Над вековыми заставами. На перепутьях сна.
Время нас делать сильными. Битыми и двужилыми.
Вольными. Изобильными. Значит – пришла весна.

Ветер бросает под ноги нашу Хартию Вольностей.
Закаляет солнечным обжигом. И не уйти назад.
Вот и идём, весёлые, по городам и сёлам мы.
Звёздными новосёлами тянемся на закат.

Всё непременно сбудется. И правый суд рассудится.
И по местам рассядемся, как было оно не раз.
Да только уже не верится. Болезнь моя – воля-ветренница.
Радужница. Разнотравница. Мой двадцать пятый час...

страна Вивисекция

В краю добродушных незлых палачей,
под светом каштановых тихих свечей,
на плахе, покрашенной в живенький цвет,
лишается жизни весёлый поэт.

Ликуя, трепещут во многих местах
флаги на виселицах и крестах...

Трибуны восторженно вскрикнут «Ура!!!»
при виде украшенного топора.
Палач симпатично взмахнёт от плеча...
Прелестные детки «Виват» закричат.

Потом рассмеются и песню споют
о том, как они беззаботно живут,

и станут улыбки вокруг расточать...
Лишь только поэт будет глупо молчать
под сенью каштановых тихих свечей.
В краю добродушных незлых палачей.